

UDC 94

**Private Life of Soviet Man during Wartime:
Historiography and Problem Origin ***

Evgeny F. Krinko

Institute for Social and Economic Research and Humanities of the South Science Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
41, Chekhov street, Rostov-on-Don, 344006
Dr. (History)

Abstract. The article is focused on the historiography and historic sources of Soviet man private life during the Great Patriotic War, analyses modern Russian and foreign publications, as well as types and possibilities of this problem origin.

Keywords: the Great Patriotic War; historiography; historic sources; private life; Soviet man.

Введение. История частной жизни советского человека в условиях Великой Отечественной войны относится к числу сравнительно молодых, но быстро развивающихся исследовательских направлений, что обуславливает целесообразность анализа сложившейся историографии и используемого корпуса источников. Необходимо отметить, что первые работы, посвященные частной жизни, вышли в России еще в XIX в. Как правило, они рассматривали частную жизнь в контексте истории быта, обращаясь, прежде всего, к семье и семейным порядкам знати [1]. Но в конце XIX в. быт стал рассматриваться в передовой общественной мысли как «темное царство» застоя и рутины, русская интеллигенция повела решительную борьбу с этим миром пошлости и мещанства.

Обсуждение. Волны борьбы с бытом периодически возникали и в Советской России. При подготовке фундаментальных трудов по истории рабочего класса и колхозного крестьянства описания их культуры и материально-бытового положения занимали неизменно последние страницы [2]. Изложение рассматриваемых вопросов находилось под значительным влиянием идеологии, а все бытовые проблемы объяснялись сохранением «пережитков» прошлого или «нарушением принципов социализма». Тем не менее, в работах советских авторов приводилось немало сведений о складывании социалистического образа жизни и новых форм досуга граждан СССР, решении женского вопроса [3]. Однако при этом речь шла не о частной, а о личной жизни советских граждан. Эти понятия противопоставлялись: «частный» имело отрицательную коннотацию (как противопоставленный общественному, а «личный» было нейтральным. Личная собственность» в советском обществе допускалась, а «частная» если не вовсе запрещалась, то ограничивалась» [4].

«Реабилитация» частной жизни в российской историографии произошла уже в 1990-е гг., когда изменились исследовательские приоритеты и стали более доступны работы зарубежных авторов [5]. В Институте всеобщей истории РАН в течение нескольких лет работал специальный семинар под руководством Ю.Л. Бессмертного, результаты которого нашли отражение в ряде коллективных трудов, выполненных на материалах европейского средневековья [6]. В настоящее время в ИВИ РАН действует специальный центр «История частной жизни и повседневности» (руководитель – И.Н. Данилевский). Первые работы по истории частной жизни в России также были ограничены, как правило, дореволюционной эпохой [7].

В последнее время исследователи обратились и к истории частной жизни советского человека, что обусловило появление первых историографических обзоров [8]. Разработка данной проблемы связана с преодолением историографических стереотипов, согласно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

которым советский человек находился под тотальным государственным контролем и не имел внутренней свободы, без которой, считается, невозможна реализация его личных качеств. На переосмысление советской истории повлияли «антропологический поворот» в современной науке, развитие социальной и гендерной истории, истории повседневности и микроистории, значительно расширяющих предмет исследований современных историков.

Постепенно внимание исследователей привлекает частная жизнь в условиях Великой Отечественной войны. В данной связи необходимо выделить работы Е.С. Сеньявской, первой в современной историографии с новых позиций осмыслившей духовный облик фронтовиков как особого типа личности – комбатанта («человека воюющего»). Хотя Е.С. Сеньявская не ставила специальных задач изучения частной жизни фронтовиков, но в ее публикациях приводится немало сведений об особенностях военного быта представителей различных воинских специальностей, роли религии и атеизма на войне, солдатских суевериях и других аспектах, которые могут быть в полной мере отнесены к рассматриваемой проблеме [9].

Вопросы частной жизни в условиях военного времени находят свое отражение в изучении ранее «закрытых» сюжетов на более широком хронологическом материале советской и российской истории. В ряде работ частная жизнь характеризуется в контексте развития брачно-семейных и сексуальных отношений [10]. И. Утехин и другие авторы рассматривают коммунальную квартиру как специфическое пространство, в котором протекала жизнь значительной части горожан в советскую эпоху, с ее особым внутренним миром [11]. По словам С. Бойм: «Чрезмерно знакомая и потому непристойная для изображения, вездесущая в жизни, но почти невидимая в официальном искусстве, коммуналка была одновременно первичным социальным коллективом и скомпрометированным образом советского коллективизма» [12]. Попытку представить историю советской России как совокупность окружающих человека житейских мелочей, вещей, понятий, знаков и символов, образующих единую систему со своей внутренней логикой, предприняла Н.Б. Лебина. Эта система включает и материальное измерение (жилье, одежда, предметы обихода, средства передвижения), и церемонии (браки, похороны, праздники, досуг), и государственные решения (алкогольная монополия, запрет на аборты) [13]. Внимание исследователей привлекают распространение алкоголизма и «пьяная культура» в Советской России [14]. О.Ю. Гурова анализирует эволюцию нижнего белья и отношения к нему советского человека как к максимально близкой вещи в качестве примера адаптации и переписывания идеологических постулатов, проявлений гражданской свободы и конфликтов с государством [15].

Современные исследователи отмечают сужение границ частной сферы, как пространства реализации индивидуальных потребностей советского человека в годы войны, поскольку власть стремилась расширить пределы своего влияния и прямым вмешательством, административно-правовым регулированием, и при помощи косвенных приемов, использования мобилизационных, агитационно-пропагандистских средств. Предметом специального изучения становятся особенности проявлений любви, дружбы и других чувств, самоидентификации и самореализации личности, ценности вещей в военное время. Переписка военного времени оценивается как важнейший неформальный коммуникационный канал и практически единственно возможное средство удовлетворения потребностей в общении для многих советских граждан. Особенно показательной является переписка фронтовиков с заочно знакомыми девушками в 1941–1945 гг. [16].

Под влиянием идеологии изучение участия женщин в Великой Отечественной войне в советской историографии фактически свелось к описаниям боевого пути наиболее успешных женских воинских частей, а также совершенных женщинами боевых и трудовых подвигов. В последние годы появились работы, посвященные трагедиям женщин в гетто и партизанских отрядах, трудностям их воинской службы в Красной армии, проблемам взаимоотношений полов в ее рядах, включая и существование так называемых «ППЖ» («походно-полевых жен») [17]. В то же время ряд публикаций содержит откровенные домыслы по указанному вопросу [18].

В советской историографии указывалось, что в период нацистской оккупации части территории СССР захватчики совершали массовые убийства и истязания советских граждан, включая и изнасилования женщин. Однако сексуальному насилию оккупантов уделялось значительно меньше внимания, чем другим видам воинских преступлений, вследствие

сложившихся представлений о морали в советском обществе. Например, подготовленные еще в 1943 г. Комиссией по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области документы об организации гитлеровцами публичных домов так и не были опубликованы – ни отдельным сборником, как первоначально планировалось [19], ни в составе других документальных изданий [20]. Обращает на себя внимание то, что практически не использовался образ подвергавшейся насилию оккупантов молодой девушки или женщины и в советских плакатах военного времени, в отличие от нацистской пропаганды, нередко подчеркивавшей сексуальную похотливость большевиков. Ничего не говорилось в советской историографии о дальнейшей судьбе советских женщин, подвергшихся такому сексуальному насилию.

Монография швейцарской исследовательницы Б. Бек раскрывает масштаб сексуальных преступлений в вермахте в годы Второй мировой войны и уголовной ответственности за них в различных оккупированных странах. Она также указывает на значительное количество интимных отношений немецких военнослужащих с русскими и украинскими женщинами без применения насилия, распространение так называемых «незарегистрированных супружеских пар» [21]. Появились и в России первые работы, рассказывающие о прежде табуированных вопросах вступления советских женщин в добровольные интимные отношения с военнослужащими вермахта в период нацистской оккупации и позже, когда они находились в советском плену [22].

Целый ряд современных публикаций создает представления о советском солдате как мародере и насильнике, прямо противоположный прежнему сугубо положительному образу солдата-освободителя. Широкую дискуссию в последнее время вызвал вопрос о массовых изнасилованиях, совершенных Красной армией в Германии и других европейских странах. В значительной степени она была вызвана книгой английского историка Э. Бивора, который полагает, что только в Берлине советские военнослужащие совершили 100 тыс. изнасилований, а всего было изнасиловано порядка 2 млн немецких женщин, многих по нескольку раз [23]. Эти цифры вызвали резкую критику российских авторов, справедливо отмечающих необоснованность использования для данных выводов статистики аборт в отдельных госпиталях, тем более ее экстраполяции на остальную Германию.

Перспективы дальнейшей разработки рассматриваемой проблемы тесно связаны с выявлением возможностей уже используемой и доступной исследователям источниковой базы. Главную роль в изучении частной жизни советского человека в условиях военного времени играют источники личного происхождения, хранящиеся в специальных коллекциях и личных фондах архивов и музеев, а также частных и семейных собраниях. К сожалению, в настоящее время исследователям недоступны фонды бывшего Народного архива, переданного на хранение в Российской государственной архив новейшей истории, на материалах которого уже опубликован ряд работ по рассматриваемой проблеме [24]. Пожалуй, единственным специализированным хранилищем указанной группы источников в системе государственных архивов Российской Федерации сейчас является Центральный московский музей-архив личных собраний (далее – ЦММАЛС).

Среди источников личного в первую очередь следует выделить частную переписку как наиболее массовый и репрезентативный источник, отражающий эмоциональные переживания советского человека в годы войны. Крупная коллекция фронтовых писем имеется в Российском государственном архиве социально-политической истории (Хранилище документов молодежных организаций), ряде архивов субъектов Федерации. Наибольшие перспективы для исследователей представляют цельные комплексы писем, позволяющие проследить эволюцию взглядов и межличностных взаимоотношений авторов писем с их родными, близкими, друзьями и знакомыми на протяжении значительного периода времени. Так, в ЦММАЛС содержится крупная коллекция писем Б.П. Баянова и его семьи, включающая 96 его писем жене, 4 – детям, 113 писем, полученным им от жены и 11 – от детей [25]. Однако такие комплексы встречаются нечасто. В общем массиве эпистолярных источников, доступном исследователям, преобладают письма фронтовиков, посланные в тыл, поскольку хранить письма в боевых условиях советские военнослужащие часто не имели возможности.

Преломление межличностных отношений военного времени в исторической памяти советского социума позволяют осмыслить также мемуары, дневники и устные воспоминания. Немало воспоминаний участников войны было опубликовано еще в советское время. В основном, в них описывались фрагменты боевого пути воинских подразделений, а не личные переживания, которые считались менее значимыми для потомков. Широкое распространение получила литературная обработка воспоминаний, при которой профессиональные писатели и журналисты придавали связность и новый смысл записям мемуаристов, превращаясь, фактически, в их соавторов. В результате опубликованный текст отражал стереотипные представления о том, какой должна быть «правда» истории. Лишь в последние годы стали выходить воспоминания, в большей степени передающие личные впечатления участников войны и более свободные в своих оценках, что повышает их информативную значимость для исследователей.

Если воспоминания излагают авторские впечатления об уже завершившихся событиях, то в дневниках они фиксируются в самом ходе их свершения. Поэтому воспоминания и дневники несколько различаются по отбору фактов, способам их изложения, характеру обобщений. Воспоминания обычно рассчитаны на публикацию, а дневники являются записями более интимного характера и поэтому считаются источниками с более высокой степенью достоверности. В то же время жанровую принадлежность отдельных произведений порой трудно однозначно определить, грань между ними достаточно подвижна. К тому же дневников военного времени сохранилось не так много, на фронте вести их просто запрещалось.

Поэтому определенные перспективы в разработке вопросов частной жизни представляют устные рассказы участников и очевидцев военных событий. Респонденты не всегда готовы отказаться от привычных коммеморативных практик описаний военных событий, складывавшихся на протяжении десятилетий, тем не менее, в ходе записи интервьюер может направить разговор в необходимое русло. К сожалению, в настоящее время фактически единственной группой, чьи воспоминания относительно репрезентативны, остаются «дети войны», но и они постепенно становятся «уходящим поколением», с исчезновением которого завершится эпоха прямых свидетельств о событиях 1941–1945 гг.

Следующую группу составляют источники официального происхождения – документы, регламентировавшие вопросы семейно-бытовых отношений, сферу досуга и реализацию других аспектов частной жизни в годы Великой Отечественной войны и отражавшие вмешательство в нее государства. В первую очередь, это Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г., Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» от 8 сентября 1943 г., другие нормативно-правовые акты и делопроизводственная документация. Их использование позволяет ответить на вопросы о степени государственного воздействия на частную жизнь советского человека военного времени, выявить противоречия, которые не удавалось решить на межличностном уровне без государственного вмешательства. Особое значение имеет Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и утверждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» от 8 июля 1944 г. Если Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. придал юридическую основу гражданскому сожителю, приравняв его к юридически зарегистрированному браку, то принятие данного документа свидетельствовало о том, что власть к концу войны пошла на ограничение внебрачных отношений, взяв курс на сохранение семьи: только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов. Не состоявшая в зарегистрированном браке женщине лишалась прав на установление отцовства и взимание алиментов с фактического отца. В паспорте появилась специальная отметка о семейном положении, усложнялась процедура развода.

Еще одна группа источников – это статистические материалы, содержащие обобщенные показатели развития частной сферы и отражающие определенные закономерности в ее развитии. Они хранятся в различных фондах Государственного архива

Российской Федерации и Российского государственного архива экономики, а также в фондах статистических управлений архивов субъектов Федерации.

Материалы, опубликованные в периодической печати, характеризуют представления и модели поведения, навязывавшиеся советской пропагандой в частной сфере. К данной группе примыкают различные произведения литературы и искусства, отражающие в художественной форме основные лирические образы и идеалы эпохи.

Заключение. Таким образом, вопросы частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны находят свое отражение в разнообразных исследованиях и исторических источниках. Обращение к данным вопросам позволяет переосмыслить представления о самом советском обществе, его характере и степени подконтрольности государству, а также поведение и психологию человека на войне. В то же время на их изучении продолжают оказывать влияние сохранение многочисленных табу, а также сложности сбора необходимого материала о данной сфере, нередко и сегодня сохраняющей «закрытый» характер.

Примечания:

1. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895. 782 с.; Его же. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Типография Грачева, 1869. 858 с. и др.

2. История советского крестьянства. В 5 т. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М.: Наука, 1987. 447 с.; История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 3: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М.: Наука, 1984. 591 с.

3. Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функциях быта // Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона). М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 122–141.

4. Утехин И. Особенности неуклонного роста в условиях зрелости // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54).

5. О зарубежной историографии проблемы см.: Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М.: РГГУ, 1996. С. 20–32; Ее же. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 248–262 и др.

6. Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М.: РГГУ, 1996. 586 с.; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М.: РГГУ, 2000. 582 с.

7. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница. X – начало XIX в. М.: «Ладомир», 1997 и др.

8. Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 157–167.

9. Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 220 с.; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.; Senyavskaya E.S. Letters From Battle-Fields and Solder Folclore as a Phenomenon of Spiritual and Everyday Life During the Years of Great Patriotic War // European researcher. 2011. № 9. P. 1289-1296; Сенявская Е.С. Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 4-17. и др.

10. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996. 192 с.; Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997. 464 с.; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.; Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х гг. // В поисках сексуальности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99–128; Семейные узы: модели для сборки. Сб. статей. В 2 кн. М.: НЛО, 2004. Кн. 1. 640 с. Кн. 2. 520 с. и др.

11. Герасимова Е. Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 224–244; Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001. 248 с.; Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с. и др.

12. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 162.

13. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 441 с.
14. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М.: Изд-во МГОУ, 2005. 176 с. и др.
15. Гурова О.Ю. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 287 с.
16. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. «Сердце выслать не могу», или О повседневности чувств военного времени // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 168–187; Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с. и др.
17. Гендерные истории Восточной Европы. Мн.: ЕГУ, 2002. 416 с.; Женщины на краю Европы. Мн.: ЕГУ, 2003. 436 с.; Кринко Е.Ф., Реброва И.Г., Тажидинова И.Г. Проблемы адаптации женщин-военнослужащих к боевым условиям в годы Великой Отечественной войны // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сб. науч. ст. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 257–265; Кардоне Э.Ш., Марвик Р.Д. «Нашу бригаду не пошлют на фронт»: советские женщины в Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. С. 144–167; Markwick R.D. and Charon Cardona E. Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke: Palgrave, 2012. 320 p. и др.
18. Особенно: Грейг Олег, Грейг Ольга. Походно-полевые жены. М.: Пресскон, Яуза, 2005. 415 с. Это настоящий порнороман, использующий для «достоверности» имена реальных участников войны, которым пришлось обращаться в суд для восстановления своей репутации.
19. Государственное учреждение «Государственный архив Ростовской области». Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 16, 16а.
20. Отомстим! О зверствах фашистов в Ростовской области. Ростов н/Д: Ростов. обл. кн. изд-во, 1944. 48 с. и др.
21. Beck V. *Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–45 / Krieg in der Geschichte. Band 18/*. Schöningh: Paderborn, 2004. 368 s.
22. Кузьминых А.Л. Иностранные военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2. С. 114–119; Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. 370 с. и др.
23. Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. London: Viking, 2002. 512 p. Рус. перевод: Бивор Э. Падение Берлина. 1945 / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. 622 с.
24. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М: Изд-во «Европа», 2005. 544 с. и др.
25. ЦМАМЛС. Ф. 172. Оп. 2. Д. 27–40.

УДК 94

Частная жизнь советского человека военного времени: историография и источники проблемы

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Россия
344006, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, 41
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Аннотация. Статья посвящена историографии и историческим источникам частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны. В ней анализируются современные российские и зарубежные публикации, а также виды и возможности источников данной проблемы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историография; исторические источники; частная жизнь; советский человек.